

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В конце файла нами даны ссылки на тематические материалы

«Красные тетради» («В дни Коммуны: записки очевидца»

/ перевод с франц. Ал.Манизер, под ред. и с предисл. А.И.Молока)

можно скачать: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/commune_m-villaum.pdf

Основные произведения Шарля Пеге увидели свет между 1910 и 1914 гг.; его гибель на фронте и поведение таких правых, желавших нажить на этом политический капитал, как Баррес, Клодель и другие², — все это привело к тому, что деятельность Пеге, исключая его литературное творчество, была обойдена молчанием³, а затем почти полностью забыта. Однако в течение 15 лет, еще до появления его работы «Тайна милосердия Жанны д'Арк», он был уже известен как активный социалист, затем как издатель единственного в своем роде журнала «*Les Cahiers de la Quinzaine*». Единственного, потому что Шарль Пеге хотел — в ту пору, когда капитализм навязывал прессе свои законы — сделать из своего журнала периодическое издание, которое руководствовалось бы благородными побуждениями: уважало читателя, давало правдивую информацию, предоставляло свободу высказывания различным сотрудникам, отказывалось от печатания платных объявлений.

При такой программе выбор материала приобретал большое значение; Пеге не собирался печатать что угодно. Он надеялся, что каждый выпуск журнала будет информировать читателя и побуждать его к размышлениям о перестройке общества на морально и экономически здоровой основе⁴.

Когда так называемая дрейфусарская революция не удалась и произошел раскол дрейфусаров⁵, Ш. Пеге решил опубликовать как можно больше документов, в том числе, по его собственному выражению, «старые революционные тексты, принадлежащие перу людей, которые совершали и видели революции, потерпевшие поражение не так быстро, как наши»⁶. В своем предисловии к «Прологу одной революции» Луи Менара (1904) Пеге излагает этот проект и сообщает, что один из этих людей,

¹ Эта работа опирается в основном на статьи: *Bonnaud-Lamotte D. Péguy, éditeur des Cahiers Rouges.* — *Revue d'histoire littéraire de la France*, 1973, N 2—3, mars — juin, p. 417—427 (специальный номер, посвященный Пеге); *Idem. Maxime Vuillaume du «Père Duchêne» à Charles Péguy.* — *Feuillets Amitié Charles Péguy*, 1974, 24 mars, N 194, p. 41—52.

² *Barrès M. Charles Péguy, mort au champ d'honneur.* — *L'Echo de Paris*, 1914, 17 sept.

³ Весьма знаменательно, что на международном коллоквиуме в Орлеане в 1964 г., посвященном 50-летию со дня смерти Шарля Пеге, большая часть сообщений основывалась на неизданных текстах и, наоборот, «*Les Cahiers de la Quinzaine*» упоминались крайне редко (см.: *Cahiers Amitié Charles Péguy*, N 19. Paris, 1966).

⁴ Пеге впервые выдвинул лозунг «Социальная революция будет моральной или она не произойдет вовсе» в статье под тем же названием в «*Cahiers de la Quinzaine*» II-10 и предварил ее восклицанием-призывом «Будем работать!», Пеге не раз употреблял этот лозунг.

⁵ См.: *Далин В. М. После раскола дрейфусаров.* — В кн.: *Далин В. М. Люди и идеи.* М., 1970 (Статья впервые была напечатана в журнале «Историк-марксист» (1934, № 3) под заголовком «К истории раскола дрейфусаров»). Ш. Пеге оказал большое влияние на И. Г. Эренбурга. Им интересовался А. В. Луначарский.

⁶ *Cahiers de la Quinzaine*, V-18 (здесь и далее римская цифра означает серию — от октября до октября, а арабская — номер журнала в данной серии), 1904, 28 juin, p. II. Предисловие Шарля Пеге к «Прологу одной революции» воспроизводится в сокращенном виде в «*Catalogue analitique sommaire des cinq premières series.*» — *Cahiers de la Quinzaine*, VI-1, p. 382.

М. Вильом, был в 1871 г. редактором газеты «Père Duchêne»⁷. За несколько лет до того Вильом через посредство их общего друга Эмиля Бюрэ одолжил ему редчайший экземпляр «Пролога одной революции». Пеги вместе с Эмилем Бюрэ предполагал посвятить специальный выпуск журнала революции 1848 г. В конце концов они решили сначала познакомить читателя с текстом Луи Менара, ставшим уже редкостью, а выпуск озаглавить «Июньская тетрадь», в память июньских событий 1848 г.

Фактически Эмиль Бюрэ, который позднее повернул вправо, ничего не опубликовал в «Cahiers», но Пеги называет его «наш сотрудник», распространяя это понятие на всякого, кто хоть как-то помогал «Cahiers». Кроме подготовки переиздания «Пролога», Эмиль Бюрэ, кажется, действительно способствовал публикации Шарлем Пеги «Красных тетрадей» («Mes Cahiers rouges») Вильома. Бюрэ писал Пеги в 1904 г.: «Мой дорогой Пеги, Вильом хочет тебя видеть... Пошли ему телеграмму в «Radical» сегодня вечером; мы назначим встречу с ним на завтра... Он хочет предложить тебе кое-что интересное»⁸.

Встреча эта не состоялась, но, как об этом гораздо позже рассказывал Вильом⁹, он уже при совсем других обстоятельствах предложил Пеги издать свои воспоминания о Коммуне.

Но прежде чем припомнить историю этого издания, продолжавшегося с 1908 г. и вплоть до смерти Пеги на фронте в 1914 г., зададимся вопросом, в чем же состоял секрет этой ничем не омраченной дружбы между Пеги, который понемногу возвращался к своей детской вере и с 1907 г. стал поэтом католицизма, и Вильомом, между масоном и вопиющим атеистом? Безусловно, секрет их дружбы скрывался в сходстве темпераментов, общем интересе к достоверным свидетельствам беспристрастных фактов, общем восхищении высокой самоотверженностью неизвестных героев 93 года, 48 года и героев Коммуны.

* * *

Максим Вильом не принадлежал ни к тому же поколению, ни к той же социальной среде, что Шарль Пеги. Он родился в Сакла 20 ноября 1844 г. и был сыном мелкого промышленника и внуком «храброго зайца, у которого была дюжина детей, из них одиннадцать сыновей», и который иногда компрометировал себя связью с контрабандистами на швейцарской границе. Мы очень мало знаем о его детстве и юности, за исключением скудных воспоминаний в «Красных тетрадях»¹⁰. Он учился в Нантском лицее, затем в заведении Барбе на улице Фейантин, был студентом Сент-Барб. Он сохранил привязанность к своим старым учителям. Они были «из тех учителей, — говорил он, — ученики которых становятся их друзьями». Принятый в Горный институт в 1866 г., он украдкой глотал под носом преподавателя математического анализа г-на Гупийера запретную брошюру «Les Propos de Labiennus», автор которой Огюст Рожар заплатил за успех этой брошюры пятью годами изгнания. Когда 20 июня 1867 г. во Французском театре был возобновлен «Эрнани», «вместе с институтской молодежью» он аплодировал «до боли в ладонях сценам, содержащим хотя бы какой-то намек, отражающий враждебность к режиму империи»¹¹.

⁷ Cahiers de la Quinzaine, V-18, p. IV.

⁸ Archives du Centre Charles Péguy. Correspondance de Péguy. Неизданное письмо Эмиля Бюрэ от 28 июня.

⁹ См.: *Vuillaume M.* Quelques souvenirs sur Charle Péguy. L'éclair (Bruxelles), 1921, 6 sept.

¹⁰ *Vuillaume M.* Mes Cahiers Rouges au temps de la Commune. Paris, 1909 (далее: «Mes Cahiers rouges»), p. 352. Поскольку издание «Красных тетрадей» в «Cahiers de la Quinzaine» сегодня невозможно найти, в этой статье цитируется издание Оллендорфа 1909 г.

¹¹ *Ibid.*, p. 184.

В самом деле, политика империи, одобряемая привилегированным классом, в эти годы вызывала возмущение рабочих, ремесленников и небольшого числа интеллигенции. В Латинском квартале, где приходили в отчаяние от ханжества императрицы, развивается атеизм, сторонники которого отрицают бога, но «верят в человека». В противовес браку, превращенному высшим обществом в коммерческую сделку, проповедуется свободный союз. Увеличивается число публикаций, направленных против светской, военной и религиозной власти.

В декабре 1869 г. Гюстав Марото (позже умерший в изгнании) воскрешает газету «Père Duchêne», ликвидированную в июне 1848 г. одновременно с подавлением восстания. Молодой Максим посылает туда статью. На следующий день, первый раз в жизни, он видит свою статью напечатанной, а в примечании автора просят представиться редакции.

Там, в шумном и темном кабаке на улице Жардине он впервые знакомится с Валлесом, Лонге, Люсином, Марото, Вермершем и Эмбером. «С этих пор,— писал Вильом,— мы всегда были вместе... на демонстрациях, собраниях, во всяких «стычках», на похоронах Виктора Нуара, 4 сентября, 31 октября, 22 января»¹².

Почти каждый вечер они собирались в пивной Глазера, на улице Сен-Северен № 40 или в Клубе Блаки на улице Сен-Дени, № 20¹³. 6 февраля 1870 г. вместе с Пасседуэ и Анри Белланже Вильом основал ежедневную газету «La Misère», маленький листок ин-кварти, который прекратил свое существование 12 февраля.

И вот в июле 1870 г. против воли оппозиции и даже умеренных бонапартистов империя объявляет войну Пруссии. В качестве лейтенанта Вильом был зачислен в 248-й батальон, которым командовал Шарль Лонге, его сосед с улицы Соммерар. Это зачисление будет вменено ему в преступление... как и повышение в звании! «Был редактором «Père Duchêne» и командиром 248-го батальона»¹⁴, — указывается в документе «Смертный приговор за участие в восстании», составленном в 1879 г. префектурой полиции. В действительности же дело было в том, что униформа не заставила его вернуться в строй и не помешала ему утереть нос властям. «Однажды Вильом с несколькими товарищами добыл в квартале Мобер табличку «Бюро комиссара». Они предназначали ее для одного из новых комиссаров полиции, которых выберет народ»¹⁵.

Более серьезно было решение, принятое им вместе с Вермершем и Эмбером, издавать газету «Père Duchêne», но в виде афиш эпохи революции¹⁶. Средний возраст редакторов — 25 лет! Несмотря на весьма скромные средства, распространение газеты идет почти современными способами: 5 марта на стенах домов в Париже расклеены цветные афиши, 6 марта с 11 часов утра до 12 часов ночи газета продается на улицах. Это — успех.

Увы, 11 марта комендант Парижа генерал Винуа издает декрет: «Ввиду того, что правительство не может действовать... в то время, как

¹² *Vauillaume M. Mes Cahiers Rouges*, p. 153. 31 октября — восстание в Париже с целью свержения правительства Трошю, 22 января — новая попытка восстания.

¹³ *Ibid.*, p. 219.

¹⁴ См.: *Archives Nationales*, ВВ 48, dossier 8178. Это дело содержит 12 единиц, в том числе: рукописная заметка (без подписи) с резолюцией: «Просьба к г-ну начальнику отделения по вопросам о помиловании рассмотреть» и примечание: «ожидать справку военного министерства»; справка министерства юстиции с печатью от 18 марта 1879 г.; справка военного министерства: «Смертный приговор за участие в восстании». Справка о заочном осуждении, датированная 24 апреля 1879 г. и подписанная «правительственным комиссар». Справка полицейской префектуры от мая 1897 г. Четыре письма: от сенатора Э. Шартрона, от Л. Фавра и К^о — работодателей Вильома, и два — от Л. Рамбера, адвоката в Лозанне (Французская Швейцария), адресованные французскому послу.

¹⁵ *Girault J. Les étudiants et la Commune.* — *La Nouvelle Critique*, 1971, Mars, p. 99.

¹⁶ *Vuillaume M. Mes Cahiers Rouges*, p. 148.

газеты призывают к мятежам и неповиновению законам, приказываю: ст. 1. Издание газет «Le Vengeur», «Cri de Peuple», «Mot l'Ordre», «Père Duchêne», «Caricature», «Bouche de Fer» прекратить»¹⁷.

Наступает 18 марта. С 21 марта газета появляется снова, раздаются крики газетчиков: «Наконец, «Père Duchêne» сможет обсуждать дела нации с добрыми патриотами, которые изгнали всех бездельников из ратуши». Эта программа выполняется. В течение двух месяцев ежедневная газета коммунаров является трибуной для дискуссий: в редакцию приходят с аванпостов, заглядывают между двумя дежурствами, пишут, чтобы поздравить с чем-то, что-то подсказать, что-то покритиковать.

Все это впоследствии будет использовано против Вильома. В «Материалах заочного осуждения» читаем: «Письмо, найденное среди бумаг и адресованное редактору «Père Duchêne», где говорится о помещении двух статей...». Каково содержание подобных писем? Оно известно нам, так как собранные после Октябрьской революции в Институте марксизма-ленинизма в Москве эти письма были в 30-х годах опубликованы в СССР. Вот два отрывка из писем в «Père Duchêne» во время Парижской Коммуны¹⁸:

«20 апреля 1871 г.

Гражданин главный редактор!

Я, республиканец и литератор — следовательно, вдвойне беден... Я предлагаю Коммуне совершенно бесплатно открыть школу для детей убитых национальных гвардейцев».

«27 апреля 1871 г.

Дружище Пэр Дюшен.

Тряси без конца членов Коммуны, чтоб они не почивали на лаврах и не допускали неисполнения декретов. Скажи им, чтобы они не строили из себя персон¹⁹, тогда у них будет больше сил, чтобы защищать Коммуну, а не свои персоны»²⁰.

Газета стоила всего одно су, тираж «Père Duchêne» доходил до 60 тыс. экземпляров — самый высокий среди газет Коммуны. Появляются также подражания: «Пер Дюшен в гневе», «Матушка Дюшен», «Сын Дюшена», «Большая радость матушки Дюшен»²¹. Прибыли «Père Duchêne» покрывали также расходы вечернего выпуска газеты, выходявшего под заголовком «La Sociale».

Статьи выходили без подписи, но в материалах обвинения цитируются следующие строки из статьи, подписанной Вильомом: «Борьба далеко не кончена, она только начинается. Второй раз за 20 лет перед финансовой олигархией выдвигаются социальные требования, требования труда к капиталу. Пролетариат утверждает свои незыблемые права, требует своего места в новом обществе».

С одной стороны — идеи патриотизма и социализма; а с другой — Франциск Сарсэ в своем «Drapeau Tricolore» публикует мнимое письмо

¹⁷ См.: *Livois R. de. Histoire de la presse française. Lausanne, 1965, t. I, p. 305.*

¹⁸ Письма рабкоров Парижской Коммуны, под ред. В. Адоратского, 2-е изд. М., 1937. Некоторые письма «Пер Дюшену», хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма в Москве, имеются в виде микрофильмов в Институте Мориса Тореза в Париже. Заботы, радости, одобрение, критика мер, принятых Коммуной, разнообразные пожелания от самых различных корреспондентов (рабочих, служащих, ремесленников, парижских и провинциальных студентов) показывают, что «Père Duchêne» был поистине народной газетой (см.: *Catalogue Iconographique de la Commune de Paris. Paris, 1971*).

¹⁹ Тот же упрек будет адресован Пеге в 1902 г. его друзьями — социалистами, которым он ответил выпуском «Cahiers de la Quinzaine», III-12. Личные вопросы («Personnalités»).

²⁰ Цит. по: *La Littérature Internationale (Moscou), 1936, N 3, p. 117—127.*

²¹ В апреле 1871 г. выходил даже «Père Duchêne enfin expliqué par le Père Duhois, le Duchêne Réactionnaire» (единственный номер см. в Национальной Парижской библиотеке, L^c23442; см. также: *De Weerd et Oukow. La Commune de Paris 1871 dans le Livre et l'Image. Bruxelles, 1971, p. 47—48*).

друга, сбежавшего от Коммуны и укрывшегося в маленьком городке, оккупированном немцами; эти последние будто бы ему говорили: «Бедный француз, не бойся ничего. Ты свободен под защитой баварских штыков». И друг комментирует их слова: «Уверю тебя — это славные люди... Ходят слухи об их уходе, и все огорчены... Знаешь, какое нам нужно правительство? Правительство кулака»²².

* * *

Из «Cahiers de la Quinzaine», X-11 («Au Large») мы знаем подробно, как Вильому в последний момент удалось избежать версальского террора. Его разыскивают, он еще не перешел границу, а 20 июня в «La petite presse» его называют: «господин Вильом... этот темный сообщник Вермерша и Эмбера... ревностный сторонник Коммуны».

Наконец, в начале июля, одновременно с Жюлем Гедом он прибывает в Женеву. Правительство Тьера требует выдачи коммунаров. Но тогда, рассказывает Вильом, «народные общества в Женеве очень энергично выступили против нарушения права на убежище... И с тех пор ни разу не возникал вопрос о выдаче коммунаров, находившихся в изгнании»²³.

Итак, он здесь, среди «Этих изгнанников» — заголовок, который при переиздании был дан Оллендорфом последнему выпуску (вместо «Письма и свидетельства», как это было в «Cahiers de la Quinzaine»). В следующем году он живет вместе с товарищами в Уши. Они питаются рыбой, пойманной в озере, и улитками, найденными в лесу. В начале 1873 г. одно предприятие по сооружению дорог, к счастью, принимает Вильома и еще десяток изгнанников на работу. Между тем третий военный суд уже приговорил его заочно к смерти.

Материалы процесса показывают, как говорил Пеги, «в какой форме совершалось правосудие в течение майской недели» и позже. После обвинений, выдвигаемых против Вильома, в рубрике «свидетельства» мы читаем: «Никаких».

Вильом по-прежнему тесно связан со своими товарищами по борьбе. Он переписывается с Паже, который укрылся в Вале; в 1874 г. принимает Вермерша и посещает Элизе Реклю в Веве. В материалах французской полиции, следившей за ним, сохранились «сведения о его поведении за границей», датированные 1879 годом: «Когда бывал в Женеве, неизменно посещал собрания эмигрантов-коммунаров».

Сохраняя верность своим друзьям, остался ли он верен своим идеалам? В том же сообщении говорится, что на вопрос, является ли он интернационалистом, он дает ответ: «Да». В досье, посвященном коммунарам, находящимся в Швейцарии, только в его анкете на этот вопрос дан утвердительный ответ.

29 июня 1879 г. Вильом вновь встречается со всеми друзьями. Это было на похоронах Радуа, гроб которого «был покрыт красным знаменем, Алавуан держал высоко поднятое знамя 22-го батальона федератов»²⁴.

Но во Франции все менялось, в разгаре была кампания борьбы за амнистию коммунарам. Уже в течение нескольких месяцев полицейские осведомители сигнализировали о собраниях и манифестациях, происходивших в Бельвиле, в Латинском квартале, в Лионе, Марселе и т. д., о петициях, проектах запросов в палате и сенате со стороны крайне левых²⁵. «Я не преувеличиваю, утверждая, что в Париже более чем 200 тыс. избирателей выступают за полную амнистию», — писал 9 января 1879 г. осведомитель за подписью «Антиох». Однако полиция получает также сведения и другого порядка: «Господин Наке утверждает, что амнистия была

²² Livois R. de. Histoire de la presse française, t. I, p. 310—311.

²³ Vuillaume M. Mes Cahiers Rouges, p. 360.

²⁴ Ibid., p. 260, 318, 389, 398.

²⁵ Musée de la Police. Archives B- $\frac{A}{462}$ 1879, pièces 866, 858, 860, 869, 880.

бы огромной опасностью для Франции». Из Лондона приходит длинный доклад за подписью «13». В нем говорится: «Какие бы меры ни приняло правительство, чтобы отвлечь умы, оно не сможет уклониться от амнистии писателям, которые были осуждены лишь за свои произведения, были лишь журналистами, не занимая никаких должностей в Коммуне. Таким образом, амнистии подлежали бы Рошфор, Лиссагарэ, Анри Бриссак, Максим Вильом». После строк, посвященных Марксу, где отмечается, что «Маркс, конечно, думает о восстановлении Генерального Совета Интернационала», в докладе делалось заключение: «Безусловно, единственно реальная опасность, которая имеется, — это возвращение журналистов».

Что касается масонов, префектура была информирована телеграммой о намерениях их представителя в сенате, президента Дюфора: «Никакой всеобщей амнистии — только широкая акция помилования». Именно «широкую акцию помилования» объявило правительство весной 1879 г. Среди изгнанников — возмущение. Из Женева агент № 6 доносит об их высказываниях во время собрания: «Помилование предстоит, но Курме думает, что у изгнанников хватит достоинства, чтобы не просить о нем»²⁶. Согласился ли Вильом с мнением Курме, бывшего делегата Коммуны при управлении сыскной полиции? Возможно, согласился, так как для себя лично он ничего не стал просить. Помогло лишь вмешательство сенатора Э. Шартона, который вместе с панимателем Вильома Луи Фавром пытался добиться помилования для Вильома, а также для Дессекеля, еще одного коммунара, работавшего у Фавра. Шартон и другие, свидетельствуя о «почтенности» («honorabilité») Вильома и Дессекеля, стремились успокоить нотаблей: «Ныне они супруги, отцы семейств»... «Вильом занимает сейчас доходную должность». Они пытаются снять вину с этих молодых буржуа, объясняя их поведение «увлечениями молодости», «легкомыслием».

Вместе с тем под псевдонимом Максим Элен в серии «Библиотека чудес», которой руководил Шартон в издательстве «Ашетт», в 1876 г. вышли «Подземные галереи», а в 1878 г. — «Порох для пушек и новые взрывчатые вещества». Оба эти произведения выдавались в качестве наград во французских училищах. Было ли этого достаточно, чтобы реабилитировать их истинного автора Максима Вильома? Оппозиция его помилованию — насколько можно судить по замечаниям, сделанным синим карандашом на обвинительном заключении, была очень сильной.

* * *

В 1880 г. коммунары получили амнистию. «После десяти лет отсутствия мой первый визит был в ратушу», — рассказывает Вильом²⁷. Он продолжает свои научные публикации в различных журналах, среди которых и «La Nature». В 1882 г. в издательстве Мазона появляется книга «Новые пути Вселенной», посвященная Фердинанду Лессепсу, который в своем письме, послужившем предисловием, благодарит Вильома и радуется новым путям «сближения народов». В 1883 г. выходит книга «Общественные работы в XIX веке». В новом произведении для «Библиотеки чудес», вышедшем в 1890 г., — «Бронза» он прославляет этот «универсальный металл, сохраняющий творения людей». Документированные и довольно серьезные научные произведения Вильома отражают его приверженность техническому прогрессу, облегчающему работу тружеников.

Действительно, пишет ли он о пирамидах («сколько раздробленных рук, сколько приглушенных вздохов на этих сумрачных дорогах»), или о прокладывании туннеля через Сен-Готард («У меня перед глазами скорбный список жертв этого труда»), он не может забыть, чего стоили людям эти

²⁶ Ibid., pièces 890, 894, 901 (подпись: Гефнер), 1189 (от 8 февраля).

²⁷ *Vuillaume M. Mes Cahiers Rouges*, p. 169.

великие сооружения. Побывал ли он под землей — «Что было бы, если бы нам пришлось здесь работать — 8 часов!» Он пишет о просачивающейся воде, о других технических неполадках и замечает: «Вода лилась подобно дождю, люди были мокры до костей»²⁸. И о механике он пишет как художник, в частности в работе «Часы и колокола Бастилии», опубликованной в 1896 г. в издательстве братьев Делис.

По свидетельству Декава²⁹ в 1887 г. Вильом начинает работать в качестве секретаря в ежедневной газете Клемансо «La Justice». Его бывший командир Шарль Лонге, ставший зятем Карла Маркса, посылает в эту газету из Англии «под псевдонимом Шарль ла Рив замечательные корреспонденции»³⁰. Существовавшая на средства Корнелиуса Герца, эта газета исчезает в 1897 г. в связи со скандалом, запятнавшем имя этого финансиста. В 1898 г. Вильом уже в «Le Radical». Всегда ратовавший за светскую школу, он пишет здесь воинственные статьи против католиков: «Епископская коалиция», «Пусть закроют Лурд», «Чиновники в митрах» (о семинариях) — «это казарма, как и во всем мире»³¹. Весьма вероятно, что он также составляет ежедневный бюллетень за подписью «Парижанин»: его стиль здесь легко узнать, особенно в номере от 29 марта 1904 г., посвященном Луизе Мишель.

Итак, Пегги, по его собственному признанию, читает в это время статьи Вильома в «Le Radical»³². Если бы он запомнил эти строки: «Эта женщина-борец... отдает себя целиком делу обездоленных. В то время как христианское учение утверждает, что покорность — это долг и что бедные будут всегда, Луиза возмущается этими бесчеловечными и эгоистичными словами», и в особенности последнюю строку: «она лучше, чем Жанна д'Арк, которая хотела изгнать только англичан; она хотела изгнать несправедливость и зло», — может быть, ничего больше и не нужно было бы, чтобы Пегги снова задумался о Жанне и глубже понял тайну ее милосердия. Безусловно, он опасался, что атеист Вильом не поймет этой тайны, ибо именно свою поэму «Жанна д'Арк», изданную в 1897 г., он ему подарил в июне 1910 г. с дарственной надписью³³.

В это время Вильом был председателем комитета по постройке памятника Прудону. Памятник был торжественно открыт в Безансоне 14 августа.

В газете «Aurore» Вильом много лет участвовал в антиклерикальной борьбе. Эта ежедневная газета требовала закрытия церкви Sacré Coeur, построенной «во искупление» Коммуны, и 18 марта 1907 г. отметила появление «Истории пап» Мориса ле Шатра следующими словами: «Это история убийств, отравлений, отцеубийств, кровосмешений, дебошей и мерзостей римских пап от Св. Петра до наших дней».

Весной 1907 г. Вильом в серии статей «Празднества Жанны д'Арк», «Жанна д'Арк и Великий Восток», «Дело Жанны д'Арк (продолжение)», «Празднества Жанны д'Арк в Орлеане будут светскими» противостоял епископу Орлеанскому, который хотел исключить из праздничного шествия масонов³⁴. Анонимная передовая статья от 28 апреля напоминает, что «Жанна д'Арк — героиня французского единения — была жертвой католического духовенства, которое и сегодня хотело бы разобщить французов». Эта полемика дала повод Вильому напомнить, что «в 1865 г. с благо-

²⁸ *Vuillaume M. Les Galeries Souterraines*, p. 7, 215, 274, 276.

²⁹ Друг Вильома с 80-х годов до его смерти Люсьен Декав представил его подписчиком «Cahiers de la Quinzaine» в своем предисловии к первой «Красной тетради», озаглавленной «Один день в военном суде Люксембургского дворца».

³⁰ См.: *La Justice*, 18 oct.— *Archives Nationales*, «Journaux», dossier «Journaux», F⁷, 12 842, dossier 60.

³¹ *Le Radical*, 1904, 1, 2, 29 févr., 1 mars.

³² См. предисловие Пегги к переизданию «Пролога одной революции». — *Cahiers de la Quinzaine*, V-18, p. IV.

³³ *L'Amitié Charles Péguy*, 1960, mars, N 10.

³⁴ См.: *L'Aurore*, 1907, 18 mars, 14, 20, 23, 30 avr.

словения монсеньора Дарбуа на надгробии маршала Маньяна были нанесены масонские знаки. Это стоило ему язвительнейшей отповеди Ватикана, а позже монсеньор был расстрелян». Он добавляет: «Мы объясним это, когда будет нужно». Это объяснение появилось в следующем году под названием «Немного правды о смерти заложников» в «Cahiers de la Quinzaine», X-11, второй из десяти «Красных тетрадей».

Годы идут, но Вильом остается верен Коммуне. Каждую годовщину он встречается с теми, кто остался жив, чтобы возложить венки к стене Коммунаров. В 1903 г. он присутствует на кладбище Пер Лашез на похоронах Шарля Лонге, которого провожали в последний путь представители II Интернационала. Он подбадривает коммунаров, угасающих в бедности и одиночестве, он остается другом Гюстава Мэтра, командира батальона «Дети отца Дюшена»³⁵.

Со времени 1871 г. он не перестает в многочисленных статьях и брошюрах рассказывать о незабываемой весне. Но ни один издатель не заинтересовался этой подробной хроникой Коммуны, пока он не предложил ее Пеги.

* * *

«В течение года,— рассказывал позднее Вильом,— я показывал издателям рукопись моих воспоминаний о Коммуне. Двое — не самые худшие³⁶ — отвергли мой труд. Они не нашли в нем ничего интересного». Он вспоминает далее, как Люсьен Декав (друг «Cahiers de la Quinzaine») пришел ему на помощь. «Идем к Пеги,— сказал он мне.— Я уверен, что он вас напечатает... Ведь для вас это не денежный вопрос? — Отнюдь».

О том, что Пеги, публикуя рукопись Вильома, хотел оказать услугу Декаву, свидетельствует одно неизданное письмо (о нем речь пойдет ниже), но, конечно, если бы работа о Коммуне показалась ему неподходящей для «Cahiers de la Quinzaine», он бы ее отверг. Но у Пеги не было никаких колебаний, дело было улажено немедленно. Он беспокоился лишь о заглавии. В своей статье в 1921 г. Вильом дает удивительный портрет Пеги-лингвиста. «Итак, как же мы это назовем? — говорил Пеги.— Нужно краткое заглавие, звучное. Мы задумываемся. «Во времена Коммуны»? — Это ничего не стоит³⁷. Нужно, чтоб это были тетради. «Тетради Коммуны?» — Нет, это недостаточно выразительно. Нужен цвет, красный цвет. «Красные тетради»? — Отлично! «Мои красные тетради» — вот оно»³⁸. И хотя в это время Пеги часто на предложение рукописей отвечает: «У нас есть материал на много лет вперед», на этот раз он решает, отложив все другое, печатать «Красные тетради». «Когда вы дадите рукопись? — Завтра. У меня шесть готовых тетрадей.— Договорились. Три первые в феврале. Три другие в следующем выпуске»³⁹.

³⁵ *Vuillaume M. Mes Cahiers Rouges*, p. 316, 413; Centre Charles Péguy d'Orleans. Незданная корреспонденция. Письмо Вильома к Пеги от 24.I 1908 г.

³⁶ Рукопись сначала была отвергнута издательством Оллендорфа. Но когда воспоминания с успехом разошлись благодаря Пеги, они были переизданы Оллендорфом.

³⁷ Это подсказанное Вильомом заглавие, которое для Пеги «ничего не стоило», стало названием переиздания Оллендорфа «*Mes Cahiers Rouges au Temps de la Commune*». Вышедшие на русском языке в 1925 г., мемуары назывались «В дни Коммуны» (*Вильом М. В дни Коммуны. Записки. Л., 1925*).

³⁸ Эта статья свидетельствует об интересе Пеги к хронике Вильома, написанной во славу Коммуны; примечательно, что «*Feuillets l'Amitié Charles Péguy*» опубликовали из этой хроники лишь несколько строк, где Вильом вспоминает о взгляде Пеги, «то кротком, как у ребенка, то преисполненном ненависти».

³⁹ Здесь допущена ошибка в датировке. В своей статье 1921 г. Вильом, которому тогда было более 70 лет, пишет, что он не знал Ш. Пеги до декабря 1908 г. В действительности первое из писем, собранных центром Пеги в Орлеане, датировано Вильомом 24 января 1908 г. и начинается так: «А вот и первые 64 страницы...» — это уже страницы третьей «Красной тетради», как явствует из продолжения письма. Более того, в декабре 1908 г., когда Вильом будто бы «не знал еще

Мне кажется, что такая четкость и такая быстрота решения, носящие почти военный характер, объясняют секрет дружбы между этими двумя людьми. Об этом никогда не шла речь, но с конца 1907 г. до отъезда на фронт одним из самых верных друзей Пеги был бывший редактор «*Père Duchêne*»⁴⁰, журналист, антиклерикал и масон, брат по оружию Ранка и Камелина. Напрасно искать среди писем, которыми они обменивались около семи лет, следы ссор или даже каких-то споров, весьма обычных между издателем и автором. Никогда совместное сотрудничество в «*Cahiers*» не было столь легким. Пеги, о котором Вильом сказал в 1921 г. — «У Пеги есть свои антипатии»⁴¹, был его истинным другом. Только «Вы пришли ко мне тогда, — так как только вы соглашаетесь взбираться наверх, чтобы встретиться со мной», — писал Вильом своему другу⁴². Пеги отвечал ему взаимностью. «Итак, стовариваемся на вторник, после полудня... у Вашетт. Эти совместные обеды с вами для меня как бы передышка в этой мерзкой жизни», — пишет ему Пеги со своей стороны⁴³.

Крепкая дружба и тесное сотрудничество. С конца 1907 г. по июнь 1914 г. они вместе редактируют тексты, читают корректуры⁴⁴ и беседуют о Коммуне, прогуливаясь, как рассказывает Пеги, «после обеда по тогдашнему Латинскому кварталу»⁴⁵. Их переписка опровергает гипотезу, что, издавая «Красные тетради», Пеги лично ими не занимался и якобы серьезно не интересовался. Как обычно, он читал тексты очень внимательно, заботясь о точности. Так, например, 25 мая 1912 г. он заставляет Андре Буржуа написать «Дорогому моему Вильому»: «Наш подписчик г-н Шамайяр... сообщил, что именно капитан Гулявен... дал приказ стрелять по ратуше». Буржуа сообщает, что подписчик прилагает в качестве доказательства черновик письма капитана Жюля Ферри: Гулявен просил последнего о какой-то милости и «в этой связи напомнил ему о своей роли во взятии ратуши, за что он и был награжден» в 1875 г. по распоряжению Жюля Ферри в честь этого «знаменательного факта»⁴⁶. В результате в 11 номере «Красных тетрадей»⁴⁷ было опубликовано факсимиле письма, адресованного Ж. Ферри, и неизвестная фотография капитана Гулявена, который, как было указано в подписи под фотографией, «давал команду «огонь» на Площади ратуши».

И по другим разделам хроники Коммуны Пеги высказывал свое мнение, с которым Вильом, разумеется, считался. Так, в своих коротеньких

Пеги, три выпуска «Красных тетрадей» были уже опубликованы, четвертый должен был появиться.

⁴⁰ Ежедневную газету «*Père Duchêne*» — символ всех восстаний — всегда ненавидела французская реакционная буржуазия и даже французские реформисты. Действительно, кроме «*Père Duchêne*» Эбера в 1792—1794 гг., «*Père Duchêne*» Вильома, Вермерша и Эмбера в 1871 г., выходила революционная газета «*Père Duchêne*» под редакцией Кольфарю с апреля по август 1848 г., «*Père Duchêne*» Гюстава Марото в декабре 1869 г. (вышло 7 номеров). И во время нацистской оккупации во Франции снова появляется «*Père Duchêne*»; эта газета нерегулярно и тайно издавалась в Лионе деятелями Сопротивления с апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. под девизом «Ненависть к тиранам или смерть!» Мы уже знаем сейчас, что ее редакторами были Ив Фарж, Жорж Альтман, Польз Клавье, Эли Пежу. Понятна ненависть буржуазии к «*Père Duchêne*». Это была «газета..., близкая к рабочей массе» (Фрумов С. А. Парижская Коммуна в борьбе за демократизацию школы. М., 1968, с. 27).

⁴¹ *Vuillaume M.* Quelques souvenirs sur Charles Péguy.— *L'Éclair* (Bruxelles), 1921, 6 sept.

⁴² Centre Charles Péguy d'Orleans. Письмо от 19.X 1908 г. Вильом жил бедно, на 6-м этаже, на ул. Лямонт-Пике, № 6, в XV округе.

⁴³ *Feuillets Amitié Charles Péguy*, 1950, juin, N 13, p. 8. Письмо от 3.XII 1911 г.

⁴⁴ Centre Charles Péguy d'Orleans. Незаданные письма.

⁴⁵ *Péguy Ch.* *Clio*.— *Oeuvres en Prose*, t. II. Paris, 1961, p. 289.

⁴⁶ Centre Charles Péguy d'Orleans. Незаданное письмо от 25.V 1912 г. Как и в работе «Немного правды о смерти заложников», Вильом хотел доказать, и Пеги ему в этом помогал, — что один из кровавых инцидентов, приписываемых восставшим, был в действительности результатом контрреволюционных происков.

⁴⁷ *Vuillaume M.* *Lettres et Témoignages*.— *Cahiers de la Quinzaine*, XIV-11, 1913, 24 avr.

записках от 13, 14 и 17 января 1908 г. Вильом просил Пеги опустить раздел «Деньги Коммуны», по 17-го вечером он ему пишет: «Мой дорогой Пеги, поскольку вы все же хотите поместить «Деньги Коммуны», нужно с этого начать главу: «То и се». Пеги хотел упомянуть историю монеты, которую во время Коммуны чеканил Камелина и его друзья, потому что эта история иллюстрирует честность тех, кто отвечал за финансы Коммуны, этих героев Революции, одновременно и социальной и моральной. Пеги сам составил оглавление «Красных тетрадей», как это доказывает недавно обнаруженный автограф⁴⁸. Впрочем, в июне 1910 г. он сам упомянул о своем участии в «Красных тетрадах» в надписи на подаренной Вильому «Жанне д'Арк»: «В память о сотрудничестве, которое превратилось в хорошую дружбу». Посвящение заканчивается так: «Летописцу Вильому — летописец Пеги. Все метафизики мира, мой дорогой Вильом, не стоят четырех страниц подлинно французской хроники»⁴⁹. Это значит, что от библейских и католических метафизиков, из тезисов Фомы Аквинского мы узнаем меньше, чем из правдивых историй о Жанне Д'Арк и о Парижской Коммуне. Понятно, что накануне 1914 г. обеспокоенный Ватикан включил в список запрещенных книг творения этого опасного «теолога».

Вильом в течение почти сорока лет успел написать множество ярких и колоритных статей и брошюр, продиктованных еще живой памятью о Коммуне. Люсьен Декав рассказывал в своем предисловии к первой «Красной тетради», озаглавленной «Один день в Военном суде в Люксембургском дворце»: «Уже давно я настойчиво просил Максима Вильома, чтобы он, как участник Коммуны, собрал и дополнил свои воспоминания. Я настаивал на этом с тех пор, как прочел эпизод о военном суде... Я продолжал настаивать, когда отрывок «Немного правды о смерти заложников» утвердил во мне уважение, которое я испытывал к этому скромному, точному и правдивому рассказчику»⁵⁰.

Пеги, со своей стороны, заметил среди многих рассказов, собранных в 1897 г. в двух номерах журнала «Revue Blanche», посвященных Коммуне⁵¹, рассказ Вильома и несколько лет спустя его краткий очерк, помещенный в «Le Radical»⁵².

Собрать и дополнить свои воспоминания участника Коммуны — это требовало от Вильома весьма тщательной литературной работы. В подобном случае пишущий не располагает свободой романиста, он должен строго придерживаться истины, не позволять себе бойкости изложения, присущей журналисту. Композиция рассказа, связность изложения фактов, хронологические рамки создают проблемы на каждом шагу. Из записок Вильома, адресованных Пеги, мы как бы видим эти трудности, особенно для последних четырех тетрадей, добавленных в 1907 г. к шести предыдущим. Если Пеги так высоко ценил жанр хроники, то потому, что по опыту знал требования этого литературного жанра.

Издавая «Красные тетради», Пеги проявил также определенную смелость, ибо ненависть в отношении Коммуны оставалась очень сильной. Когда в 1904 г., во исполнение решений Бюро Социалистического Интернационала, у парижских властей было вырвано разрешение на шествие к Стене коммунаров, они «категорически запретили выкрикивать лозунги,

⁴⁸ Документ, показанный Национальной библиотекой в Париже на выставке, посвященной столетию со дня рождения П. Пеги (см.: *Hubert M. C. Charles Péguy. Bibliothèque Nationale. Paris, 1974, p. 11, pièce N 287*).

⁴⁹ Посвящение воспроизведено в «L'Éclair» (1921, 6 sept).

⁵⁰ Исправленное и дополненное предисловие Декава к первому выпуску «Красных тетрадей» («Une journée à la Cour Martiale de Luxembourg») можно прочесть в частичном переиздании «Красных тетрадей» («La Semaine Sanglante»). Издание же Оллендорфа 1909 и 1910 гг. не воспроизводит предисловие Л. Декава.

⁵¹ *Revue Blanche*, 1897, 15 mars, 1 avr.

⁵² См. предисловие Пеги к «Прологу одной революции» (*Cahiers de la Quinzaine*, V-18).

петь или произносить речи во время демонстрации», — рассказывает один журналист⁵³, который, впрочем, добавляет, что «это не помешало демонстрантам кричать «Да здравствует Коммуна»... и петь «Интернационал»».

Еще более существенно, чем противодействие официальных лиц, было то, что многие потомки героев. Коммуны стыдились их: «Казалось, что семьи коммунаров как тяжелые плиты лежали на их могилах, чтобы их не могли найти... Сыновья и внуки борцов 1871 г. боялись, что воспоминания о мертвых могут потревожить покой живых», — объяснял Вильом Декаву в ответ на просьбу ускорить издание мемуаров.

Когда в 1910 г. Пеги задумал новую серию «Красных тетрадей», в Париже играли пьесу Поля Бурже «Баррикада», в которой смешивали с грязью революционных забастовщиков⁵⁴. Той же зимой в витринах на улице Ришелье были выставлены гравюры, изображавшие разрушение Вандомской колонны коммунарами⁵⁵. Напротив, о том, что было создано Коммуной, писали правду лишь «Cahiers de la Quinzaine» и большевистские газеты⁵⁶. В письме от 28 марта 1908 г. Габриэль Моно, профессор Коллеж де Франс⁵⁷, прочитав выпуск «Когда мы издавали «Père Duchêne», в ярости писал: «Я задрожал, меня стошнило от этого... Это пахнет тщеславием и цинизмом. Он [Вильом] еще хвастается этими гнусностями «Père Duchêne»⁵⁸.

С другой стороны, можно легко себе представить, как ошеломлено было духовество тем, что с 1912 по 1914 г. Жозеф Лотт старался привлечь священников к подписке на «Cahiers de la Quinzaine»⁵⁹, что «Тайне святых невинных» («Mystère des Saints Innocents») была предпослана «Красная тетрадь». Вслед за «Deux Drames» и «La Tapisserie de Notre Dame» в «Cahiers» появились «Письма и свидетельства».

Со своей стороны типограф Пеги не спешил. Возмущенный Пеги писал ему 18 января 1908 г., что Люсьен Декав (который тоже был очень заинтересован в публикации «Красных тетрадей»), раздражен тем, что не получил еще отписок двух первых выпусков: «Не вижу, какую выгоду вы находите в том, чтобы подорвать таким образом мой кредит у людей, желавших нам добра». Пеги тем более обеспокоен, что типография уже в ближайшую среду получит очередную рукопись Ромен Роллана: «Как вы приступите к набору в этот день, если мы не начали еще Вильома»⁶⁰.

В кругах, считавшихся левыми, — молчание; ни одной строки о «Красных тетрадях» в «Humanité», руководимой Жоресом. Откликается только Гюстав Руане, депутат-социалист, который заканчивает свою похвальную рецензию следующими строками: «Добрый, жизнерадостный юмор... рассказы, написанные сдержанно, очень правдиво, с избытком деталей и заботой о точности информации, чрезвычайно интересные для читателя... важный вклад в историю Коммуны»⁶¹.

⁵³ См.: L'Anniversaire de la semaine sanglante.— Le Radical, 1904, 30 mai, p. 3.

⁵⁴ «Реакционно, но интересно», — писал В. И. Ленин сестре после представления 12 января 1910 г.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 304.

⁵⁵ См.: Катаев В. Маленькая железная дверь в стене. М., 1965, с. 70.

⁵⁶ Bonnaud-Lamotte D. Péguy, poète et témoin de la Commune.— Pensée, 1972, N 164, p. 97.

⁵⁷ И редактор журнала «Revue Historique». Как и многие убежденные дрейфусары, он так и не перешел на сторону социальной революции.

⁵⁸ Моно искажает факты, повторяя клевету о жестокостях, широко распространявшуюся версальцами в 70—80-х годах. Эти обвинения стоили Вильому, приговоренному к смерти, но бежавшему в последний момент, десяти лет изгнания. На письме Моно Пеги ограничен пометкой «Видел» (Centre Charles Péguy d'Orléans) (неизданное письмо).

⁵⁹ Centre Charles Péguy d'Orléans. Пеги — Лотт, переписка (частично неизданная), ч. 2.

⁶⁰ Centre Charles Péguy d'Orléans (неизданное письмо Пеги Эрнесту Пайану, типографу в Сюренне.)

⁶¹ Centre Charles Péguy d'Orléans. Вырезка из журнала «Lecture pour Tous» (1908,

Однако «Красные тетради» находили покупателей. Пеги в восьмом выпуске «Две драмы» объявляет: «Поскольку некоторые выпуски «Красных тетрадей» разошлись..., а другие близки к этому, мы переиздали их у Оллендорфа»⁶². Но речь идет об отдельных выпусках журнала. 120 из них было куплено муниципальным советом Парижа, в котором тогда было много бывших коммунаров. Если Пеги, печата Вильома, имел в виду «разозлить хотя бы одного подписчика из троих»⁶³, этого он, безусловно, достиг, и «Cahiers de la Quinzaine» понесли связанные с этим убытки.

Вильом, сотрудник «Le Radical» и «Aurore», был известен своими передовыми статьями, содержащими нападки на Ватикан, на высшее духовенство и выражавшими сочувствие низшему духовенству, прикованному, как выражается Вильом, к своей римской галере. Все это не испугало Пеги, но мог ли он ожидать, что его подписчики — католики примут выпуски, автором которых был Вильом⁶⁴.

Затем началась война, и более 40 лет в кругах, интересовавшихся деятельностью Пеги, издание им «Красных тетрадей» скрывалось, как его ошибка⁶⁵.

В каталоге выставки «Шарль Пеги и «Cahiers de la Quinzaine»», организованной в 1950 г. с помощью общества «Друзей Шарля Пеги» в Национальной библиотеке, цитируется (с. 64) десятая «Красная тетрадь» без всякого упоминания о девяти других и о переписке Пеги с Вильомом. На выставке в Орлеане в 1964 г., посвященной 50-летию со дня смерти Пеги, не было ни одного документа, иллюстрирующего связи Пеги с Вильомом, несмотря на то что в каталоге Огюст Мартен сообщал об активном сотрудничестве Вильома в «Cahiers de la Quinzaine»⁶⁶. Без сомнения, он вынужден был уступить требованиям общества «Друзей Шарля Пеги»⁶⁷. В то же время Жак Виар, которого один исследователь спрашивал, не проявился ли очевидный интерес Пеги к Коммуне в издании «Красных тетрадей», отвечал, что это было вызвано не чем иным, как коммерческим интересом. Произведения Вильома, утверждал он, были изданы «за счет автора»⁶⁸. И «Красные тетради» снова отсутствуют на выставке, организованной в 1973 г. Центром Шарля Пеги. Лишь в 1974 г.

---

6 Avril), приложенная Гюставом Руане к его неизданному письму Шарлю Пеги от 9 апреля 1908 г.

⁶² Cahiers de la Quinzaine, XIII-11, p. 220.

⁶³ «Все мои выпуски без исключения... составлены так, чтобы рассердить хотя бы треть клиентуры», — заявил Пеги в 1902 г. (Personalités.— Cahiers de la Quinzaine, III-12); *Péguy Ch. Oeuvres en Prose*. Paris, 1959, t. 1, p. 493.

⁶⁴ И Пеги, быть может, рассчитывал еще издавать Вильома! Действительно, профессор Р. И. Франсис разыскал в хранилище Национальной библиотеки небольшое неизданное письмо Вильома (Réf. p. Z. 1453 (10)), прикрепленное к последнему выпуску «Красных тетрадей». — «Письма и свидетельства». Оно принадлежало Жюльену Каену и подарено им Национальной библиотеке. В этом письме, помеченном 5.I 1914 г., Вильом просил Каена доставить ему детальный план старой Парижской ратуши, так как, пишет он, «после моего X выпуска я пишу «Историю Коммуны», которую я должен сдать в конце декабря». Тот факт, что эта работа не появилась, заставляет предполагать, что, если бы Пеги не погиб на фронте, он издал бы рукопись Вильома.

⁶⁵ Такое же молчание и относительно 11 посвященных Коммуне выпусков Милье, опубликованных Пеги. В списке, который приводит Марсель Пеги, пропущен десятый выпуск (*La Commune et le Deuxième Siège de Paris*. См.: *Péguy Ch. Oeuvres en Prose*, 1961, t. II, p. 1579).

⁶⁶ См.: *Martin A. Charles Péguy, l'Homme et l'Oeuvre*. Orléans, 1964, p. 83 et 102.

⁶⁷ О давлении, оказываемом на президента общества «Amitié Charles Péguy», можно составить представление по следующему факту: после опубликования нашей статьи «Maxime Vuillaume du Père Duchêne à Charles Péguy» президент получил письмо от одного банкира, выражающее возмущение и отказ от подписки.

⁶⁸ Archives du séminaire Bernard Guyon. Université d'Aix en Provence. Mai 1964. Утверждение тем более удивительное, что Жак Виар в это время очень внимательно и со знанием дела руководил систематизацией корреспонденции Пеги и «Cahiers de la Quinzaine» в Орлеане. Там, безусловно, была переписка с Вильомом.

на выставке в Национальной библиотеке публика, наконец, открыла значение «Красных тетрадей» для журнала «Cahiers des la Quinzaine»⁶⁹.

Только ненавистью, которую сохраняли по отношению к Коммуне реакционные и реформистские литературные круги, можно объяснить, что такого писателя, как Вильом, игнорировали полностью, и, как мы увидим далее, он закончил свои дни в богадельне. Им интересовались иногда только левые журналы, как, например, «Floréal», литературный редактор которого Ф. Корко стенографировал для Пеги заседания съездов социалистов 1900—1904 гг. Среди сотрудников «Floréal» были два верных друга Пеги, Жан Боннере (в то время — библиотекарь в Сорбонне)⁷⁰ и Альбер Матъез⁷¹. В апреле и мае 1920 г. «Floréal» в двух специальных номерах, посвященных Коммуне, напечатал три статьи Вильома, представляющие (с некоторыми вариантами) отрывки из «Красных тетрадей». Кстати, на страницах, посвященных «видным деятелям Коммуны», одной из первых помещена фотография «Максима Вильома, автора «Красных тетрадей»».

В 1922 г. «Le Bulletin Communiste», орган Комитета III Интернационала (в котором сотрудничал также и Альбер Матъез) сообщил в рубрике «Произведения о Коммуне, поступившие в продажу в книжной лавке «Humanité», о «Красных тетрадях» в издании Оллендорфа⁷². Они упоминаются также в приложениях к «Рабочему и крестьянскому альманаху «Humanité» за 1930 г.

После второй мировой войны, несмотря на многочисленные, хотя и неполные издания его обширной хроники, Максим Вильом и его «Красные тетради» были основательно забыты. О них и намек не было на выставках в Брюсселе и в Сен-Дени в 1971 г., посвященных Парижской Коммуне, хотя на этих выставках было собрано более девятистот документов.

За последние годы единственное серьезное упоминание о Вильоме появилось в «Биографическом словаре французского рабочего движения» Жана Метрона.

* * *

Совсем иной была судьба «Красных тетрадей» в Советской России в 20-е годы. Они были переведены на русский язык и напечатаны в 1925 г. под редакцией тогда еще молодого историка А. И. Молока⁷³. Несмотря на нехватку бумаги, труд Вильома (за исключением нескольких мест, понятных только парижанам) вышел тиражом в 10 тыс. экз. и был быстро раскуплен. В том же году А. И. Молок публикует тоже тиражом в 10 тыс. экз. хрестоматию о Парижской Коммуне. В разделе «Что читать о Парижской Коммуне 1871 г.?» он рекомендует, кроме произведений Маркса, Ленина, Либкнехта, Лаврова, Эренбурга, «Красные тетради» Вильома и «Фленго» Люсьена Декава⁷⁴.

После Великой Отечественной войны в сборнике «Парижская Коммуна», опубликованном в 1947 г. в Москве на французском языке тиражом в 25 тыс. экземпляров, были напечатаны несколько отрывков из «Красных тетрадей». В том же году крупный специалист по Парижской Коммуне Ю. Данилин опубликовал на русском языке тиражом в 10 тыс. экз. свою работу «Поэты Парижской Коммуны», базирующуюся во многом на хронике Вильома⁷⁵.

⁶⁹ Hubert M. C. Op. cit., p. 11. Это было связано с появлением нашей статьи «Пеги, поэт и свидетель Коммуны», напечатанной в журнале «Pensée» по инициативе сенатора-коммуниста Жоржа Коньо.

⁷⁰ Bonnerot J. L'animateur de la Commune: Auguste Blanqui.— Floréal, 1920, 17 avril, N 10, p. 237—238.

⁷¹ Знаменитая статья Альбера Матъеза «Lénine et Robespierre» появилась во «Floréal» 12 июня 1920 г. (№ 19, с. 429—430).

⁷² Le Bulletin Communiste, 1922, N 11.

⁷³ Вильом М. В дни Коммуны. Записки. Л., 1925.

⁷⁴ См.: Парижская Коммуна 1871 года. В документах и материалах (хрестоматия). Составитель А. И. Молок. Л.; М., 1925.

⁷⁵ Данилин Ю. И. Поэты Парижской Коммуны. Материалы и история поэзии Парижской Коммуны. М., 1947; 2-е изд.— 1966.

Однако ни французские специалисты, ни советские историки никогда не упоминали о решающей роли Пеги в издании произведений своего друга-коммунара. Но откуда могли они знать об этом, если роль его была скрыта теми, кто скрывал и архивы «Cahiers de la Quinzaine»? Кроме того, по мотивам, которые мне не удалось установить, в факсимильном переиздании «Красных тетрадей» Оллендорфа 1909 г., вышедшем в 1971 г., не было указано, что последний использовал текст, опубликованный в «Cahiers de la Quinzaine».

Только теперь советские историки начинают восстанавливать факты⁷⁶. И действительно, нельзя, не повредив истине, отделить, начиная с 1907 г., судьбу автора «Красных тетрадей» от судьбы Пеги, их издателя.

* * *

Чем больше мы читаем произведения, опубликованные в «Cahiers de la Quinzaine», тем больше мы понимаем, как они вдохновляли самого Пеги. Сравнение лексики, образов и тем в произведениях тех авторов, которых он печатает, и в его собственных работах обнаруживает возникавшие между ними связи.

Так, на протяжении десяти последних лет существования «Cahiers de la Quinzaine» хроники Вильома пересекаются с очерками и поэмами Пеги, создавая впечатляющую фреску во славу французского труженика.

Умелые сапожники, корзинщики, котельщики, первоклассные повара, отличные механики и часовщики, которых Вильом рисует вновь вернувшись после событий 1871 г. к своим занятиям, все эти «люди долга», все эти «безымянные бойцы» «Красных тетрадей» — не являются ли они также героями произведений Пеги «Наша юность», «Деньги» и «Ева»? В противовес женщине, которая в консервативной или в «авангардистской» литературе 10-х годов превращена в «вещь», как близки женщины Вильома к героиням «Тайн» или «Вышивки», к тем, кого Дюма-сын назвал «*femelles des communaux*». Они нашли в Вильоме своего поэта. Как они храбры и красивы: и та, что пала на улице Сен-Жак «с еще приколотой к волосам красной кокардой», и «Риголетта, славная девушка, которая, презирая крики трусов, набросит покрывало на мертвых». Как благородна «патриотка, потребовавшая, чтобы «*Père Duchêne*» принял ее скромные драгоценности», и как честна жена расстрелянного Трейяра, которая на другой же день «пришла, чтобы вернуть 40 тыс. франков, оставшихся в общественной кассе Республики». И особенно, какое у них глубокое чувство материнства. Например, «г-жа Вайян, мать делегата, хотела остаться рядом со своим сыном». Так Вильом воздаст должное женщинам, для которых жизнь и убеждения мужчин более священны, чем их личные. Мы видим, как маркитантка Ляшез пытается вырвать заложников у толпы, полагающей, что она мстит за г-на Тьера, или благочестивая тетушка Франсуаза, которая говорит о бежавшем коммунаре: «Я бы его спрятала в церкви».

Неужели этот великий народ порождает ту гнусную толпу, которую описывает Вильом? Несомненно, это происходит только тогда, когда эта масса людей доведена до отчаяния жестокостью противника. Но откуда же берутся эти «порядочные люди, которые в послеобеденный час шли смотреть, как убивают пленных», эта публика, которая, «когда Варлена вели по улице Розье, проклинала его и плевала ему в лицо», эти простые солдаты, особенно те из них, которые в больнице расстреливали «пленных раненых, вперемешку с их врачами»? Мучительный вопрос. Он беспокоил также и Пеги.

---

⁷⁶ Этими историками являются А. И. Молок, который в начале своей научной работы познакомил советских читателей с «*Mes Cahiers Rouges*», и В. М. Далин, первый советский историк, который заинтересовался Пеги еще в 1934 г.

Но Вильом не забывает, по какую сторону баррикад стояли мученики, которых он воскрешает в памяти в последнем параграфе отрывка «Немного правды о смерти заложников», озаглавленном «Сравнение». Вильом пишет: «И мне показалось, что я увидел мысленно кучу расстрелянных заложников, в мундирах и сутанах. Я почувствовал, что сердце мое сжимается. Но мне показалось также, что другие мертвецы встают, наши... они идут длинными рядами, идут сотнями, тысячами, чтобы лечь у стены, чтоб образовать страшную гору, под которой исчезнут 50 жертв 26 мая 1871 г.»

* * *

Если Вильом и написанная им хроника влияли на Пеги и его творчество⁷⁷, то, со своей стороны, руководитель «*Cahiers de la Quinzaine*» тоже имел глубокое влияние на Вильома: «Каждый четверг я иду на улицу Сорбонны, где собираются друзья Пеги. Сколько чудесных часов я провел в этом маленьком зале», — рассказывал он в 1921 г., добавляя: «Время скрепило нашу дружбу. Необычная, христианская душа Пеги не испугалась контакта с неверующим»⁷⁸.

Когда в 1914 г. вслыхнула война, Вильом — тогда член ассоциации республиканских журналистов — был очень близок Пеги, «уходившему на фронт как солдат Республики». С этого времени Вильом стал одним из авторов книг о войне и опубликовал у Руффа в 1916 г. в «Народной исторической коллекции» «Солдаты свободы Вальми», где говорилось: «Прибывают вооруженные крестьяне; рабочие под возгласы «Да здравствует народ» и под звуки песни «*Ça ira*» оставляют предприятия, чтобы защищать свободу». Появляется также его очерк «Аустерлиц». «...Австрия, — пишет он, — всегда против Франции». У того же издателя в серии «Родина» печатаются его «иллюстрированные рассказы» по 25 сантимов за брошюру: № 8 — «Бельгия в крови и огне», № 24 — «На военных заводах», № 72 — «Париж в опасности, Париж спасен» и № 82 — «Париж при готах». Стереотипный стиль, стереотипные иллюстрации. Вильому явно платили построчно. Замечает ли он, что увлекся шовинистической пропагандой? Действующие лица его рассказов — обычно рабочие, но не имеющие понятия об огромных прибылях, которые приносят акционерам военные заводы. С другой стороны, своевременно ли было в 1917 г. напоминать ужасы немецкой оккупации 1914 г., не помогая читателю понять, что ситуация ныне куда более сложна, чем она была в 1871 г.? Его очерк «Почему Антанта должна победить?», опубликованный в 1918 г., отмечен той же тенденцией, хотя здесь Вильом и дает много уточнений, описывая борьбу интересов. Как мог старый интернационалист радоваться тому, что «Англия захватила у тевтонов секреты химической промышленности»? Почему тот факт, что «Вифлеемская компания перешла на производство пушек», не побуждает его к размышлениям о причинах затягивания войны?⁷⁹

Напомним, однако, брошюру Вильома этих лет «Париж в опасности, Париж спасен», где мы видим появление Пеги как героя народной литературы. В последней главе «Письмо Антуана», которое молодой рабочий помечает «Виллерау, после битвы», он сообщает: «Я все время вспоминаю указательный столб «Париж — 22 км». 3 сентября утром — это было поражение. К счастью, с нами был один лейтенант, это — лейтенант Пеги, писатель, который вновь внушает нам храбрость». А вот как описывает он для читателей рассказов по пяту су смерть лейтенанта-

⁷⁷ *Bonnaud-Lamotte D. Péguy, poète et témoin de la Commune.* — La Pensée, 1972, août, p. 92—95.

⁷⁸ См.: *L'Eclair*, 1924, 6 sept. (Этот отрывок из воспоминаний Вильома о Шарле Пеги воспроизводится в «*Feuillets Amitié Charles Péguy*», N 41).

⁷⁹ *Petite Bibliothèque de la Guerre*, N 8. Paris, 1918.

писателя: «Наш лейтенант, храбрый Пеги, ходит от одного к другому: «Смелее, дети мои, смелее, за родину! Огонь!»... Он падает, сраженный пулей. У Пеги еще хватает силы подняться: «Стреляйте! Стреляйте, черт возьми!» — На этот раз он умирает».

После первой мировой войны Вильом был сотрудником в «Eclair» — ежедневной газете, ставшей пацифистской. В 1921 г., сразу же после своей статьи о Пеги, где возрождается бодрый и пылкий стиль Вильома — автора хроники Парижской Коммуны, он объявляет о своем уходе. «Значило ли это, что литература и журналистика, где он пользовался уважением, его больше не удерживали, не удовлетворяли?» — спрашивал один из его братьев по газете «Eclair»⁸⁰. Или это произошло потому, что Вильом страдал от антибольшевистской кампании, проводимой газетой? Узнавал ли он методы версальцев в той политике, которая морила голодом революционную Россию, или в кампаниях А. Зевааса (прикрывавшегося именем Жореса) против книги А. Марти «Восстания на Черном море»?⁸¹ Тем более что Вильом мог судить о жизни народа в России при царизме, так как в 80-х годах он побывал в Донецком угольном бассейне.

Мы знаем от Люсьена Декава, как закончилась жизнь «этого бедного коммунара». Теряя зрение, страдая от атеросклероза, в 1924 г. он попадает в приют для писателей в Нейи. «Посещения друзей едва-едва помогали ему переносить это существование полузаточенного». Вильом не мог сдерживать своей горечи. «Господин Лишний... таково имя, данное здесь восьмидесятилетним», — писал он Декаву 27 ноября 1924 г.

«26 ноября 1925 г. умер в богадельне мой старый друг, последний из коммунаров», — писал Люсьен Декав⁸². Но он ошибался, жили еще Камелина, один из героев «Красных тетрадей», основатель Ассоциации друзей Парижской Коммуны, и Адриен Лежен, нашедший в свои 82 года приют в Крыму, в Доме ветеранов революции. В 1941 г., во время Отечественной войны, ветераны были эвакуированы в Новосибирск. Все еще бодрый в свои 92 года, Лежен берет в руки перо, чтобы обратиться к солдатам: «Вы боретесь не только за свободу молодого поколения Советской страны, но за свободу и счастье молодого поколения всего мира во имя освобождения человечества от кровавого фашизма»⁸³. 18 марта 1943 г. Лежен умер и был похоронен в Новосибирске у стены, где высечены имена тех, «кто погиб за Родину». А во Франции в это время тайно распространяют брошюру «Два голоса Франции — Шарль Пеги и Габриэль Пери». Как во времена Коммуны, отечество и социальная революция смело борются против германского империализма.

В заключение статьи нам хотелось бы сказать несколько слов о Л. Декаве, чье имя нам так часто приходилось упоминать. Люсьен Декав (1861—1949) родился в Париже, в семье ремесленника, связанного с искусством (отец его был иллюстратором книг). Очень молодым он начинал писать. После военной службы (тогда она длилась 4 года) он возвращается, удрученный и возмущенный грубыми правами низшего офицерства. Его сборник рассказов «Нищета сабли» и особенно «Унтер-офицеры» (1889) вызывает клеветническую кампанию в консервативной прессе и процесс в суде присяжных по жалобе военного министра г-на Фрейсине⁸⁴. Но возмущение выдающихся французских литераторов заставляет оправдать Декава. Декав рассказывает о перипетиях всего этого

⁸⁰ Bernard Y. Vieillesse d'écrivain.— L'Eclair, 1921, 26 sept.

⁸¹ См.: L'Eclair, 1921, 13, 15, 27, 30 sept.; А. Зеваас: «Это сам Жорес осуждает Марти». — L'Eclair, 1921, 2 oct.

⁸² См. предисловие, исправленное и дополненное, к выпуску «Красных тетрадей» — «Une Journée à la Cour Martiale du Luxembourg» в частичном переиздании «Красных тетрадей» — «La Semaine Sanglante». Предисловие было отредактировано Л. Декавом после смерти Вильома.

⁸³ См.: Советская Сибирь, 1942, 1 янв., № 1, с. 4; 1968, 17 марта, № 64, с. 4.

⁸⁴ См.: Archives Nationales, dossier BB 18 1810, содержащее письма генерального прокурора и министра юстиции.

Но Вильом не забывает, по какую сторону баррикад стояли мученики, которых он воскрешает в памяти в последнем параграфе отрывка «Немного правды о смерти заложников», озаглавленном «Сравнение». Вильом пишет: «И мне показалось, что я увидел мысленно кучу расстрелянных заложников, в мундирах и сутаках. Я почувствовал, что сердце мое сжимается. Но мне показалось также, что другие мертвецы встают, наши... они идут длинными рядами, идут сотнями, тысячами, чтобы лечь у стены, чтоб образовать страшную гору, под которой исчезнут 50 жертв 26 мая 1871 г.»

* * *

Если Вильом и написанная им хроника влияли на Пеги и его творчество⁷⁷, то, со своей стороны, руководитель «*Cahiers de la Quinzaine*» тоже имел глубокое влияние на Вильома: «Каждый четверг я иду на улицу Сорбонны, где собираются друзья Пеги. Сколько чудесных часов я провел в этом маленьком зале», — рассказывал он в 1921 г., добавляя: «Время скрепило нашу дружбу. Необычная, христианская душа Пеги не испугалась контакта с неверующим»⁷⁸.

Когда в 1914 г. вспыхнула война, Вильом — тогда член ассоциации республиканских журналистов — был очень близок Пеги, «уходившему на фронт как солдат Республики». С этого времени Вильом стал одним из авторов книг о войне и опубликовал у Руффа в 1916 г. в «Народной исторической коллекции» «Солдаты свободы Вальми», где говорилось: «Прибывают вооруженные крестьяне; рабочие под возгласы «Да здравствует народ» и под звуки песни «*Ça ira*» оставляют предприятия, чтобы защищать свободу». Появляется также его очерк «Аустерлиц». «...Австрия, — пишет он, — всегда против Франции». У того же издателя в серии «Родина» печатаются его «иллюстрированные рассказы» по 25 сантимов за брошюру: № 8 — «Бельгия в крови и огне», № 24 — «На военных заводах», № 72 — «Париж в опасности, Париж спасен» и № 82 — «Париж при готах». Стереотипный стиль, стереотипные иллюстрации. Вильому явно платили построчно. Замечает ли он, что увлекся шовинистической пропагандой? Действующие лица его рассказов — обычно рабочие, но не имеющие понятия об огромных прибылях, которые приносят акционерам военные заводы. С другой стороны, своевременно ли было в 1917 г. напоминать ужасы немецкой оккупации 1914 г., не помогая читателю понять, что ситуация ныне куда более сложна, чем она была в 1871 г.? Его очерк «Почему Антанта должна победить?», опубликованный в 1918 г., отмечен той же тенденцией, хотя здесь Вильом и дает много уточнений, описывая борьбу интересов. Как мог старый интернационалист радоваться тому, что «Англия захватила у тевтонов секреты химической промышленности»? Почему тот факт, что «Вифлеемская компания перешла на производство пушек», не побуждает его к размышлениям о причинах затягивания войны?⁷⁹

Напомним, однако, брошюру Вильома этих лет «Париж в опасности, Париж спасен», где мы видим посвящение Пеги как героя народной литературы. В последней главе «Письмо Антуана», которое молодой рабочий помечает «Виллеруа, после битвы», он сообщает: «Я все время вспоминаю указательный столб «Париж — 22 км». 3 сентября утром — это было поражение. К счастью, с нами был один лейтенант, это — лейтенант Пеги, писатель, который вновь внушает нам храбрость». А вот как описывает он для читателей рассказов по пять су смерть лейтенанта-

⁷⁷ *Bonnaud-Lamotte D. Péguy, poète et témoin de la Commune.* — La Pensée, 1972, août, p. 92—95.

⁷⁸ См.: *L'Éclair*, 1921, 6 sept. (Этот отрывок из воспоминаний Вильома о Шарле Пеги воспроизводится в «*Feuillets Amitié Charles Péguy*», N 41).

⁷⁹ *Petite Bibliothèque de la Guerre*, N 8. Paris, 1918.

писателя: «Наш лейтенант, храбрый Пеги, ходит от одного к другому: «Смелее, дети мои, смелее, за родину! Огонь!»... Он падает, сраженный пулей. У Пеги еще хватает силы подняться: «Стреляйте! Стреляйте, черт возьми!» — На этот раз он умирает».

После первой мировой войны Вильом был сотрудником в «Eclair» — ежедневной газете, ставшей пацифистской. В 1921 г., сразу же после своей статьи о Пеги, где возрождается бодрый и пылкий стиль Вильома — автора хроники Парижской Коммуны, он объявляет о своем уходе. «Значило ли это, что литература и журналистика, где он пользовался уважением, его больше не удерживали, не удовлетворяли?» — спрашивал один из его собратьев по газете «Eclair»⁸⁰. Или это произошло потому, что Вильом страдал от антибольшевистской кампании, проводимой газетой? Узнавал ли он методы версальцев в той политике, которая морила голодом революционную Россию, или в кампаниях А. Зеваэса (прикрывавшегося именем Жореса) против книги А. Марти «Восстания на Черном море»?⁸¹ Тем более что Вильом мог судить о жизни народа в России при царизме, так как в 80-х годах он побывал в Донецком угольном бассейне.

Мы знаем от Люсьена Декава, как закончилась жизнь «этого бедного коммунара». Теряя зрение, страдая от атеросклероза, в 1924 г. он попадает в приют для писателей в Нейи. «Посещения друзей едва-едва помогали ему переносить это существование полужаточенного». Вильом не мог сдерживать своей горечи. «Господин Лишний... таково имя, данное здесь восьмидесятилетним», — писал он Декаву 27 ноября 1924 г.

«26 ноября 1925 г. умер в богадельне мой старый друг, последний из коммунаров», — писал Люсьен Декав⁸². Но он ошибался, жили еще Камелина, один из героев «Красных тетрадей», основатель Ассоциации друзей Парижской Коммуны, и Адриен Лежен, нашедший в свои 82 года приют в Крыму, в Доме ветеранов революции. В 1941 г., во время Отечественной войны, ветераны были эвакуированы в Новосибирск. Все еще бодрый в свои 92 года, Лежен берет в руки перо, чтобы обратиться к солдатам: «Вы боретесь не только за свободу молодого поколения Советской страны, но за свободу и счастье молодого поколения всего мира во имя освобождения человечества от кровавого фашизма»⁸³. 18 марта 1943 г. Лежен умер и был похоронен в Новосибирске у стены, где высечены имена тех, кто погиб за Родину». А во Франции в это время тайно распространяют брошюру «Два голоса Франции — Шарль Пеги и Габриэль Пери». Как во времена Коммуны, отечество и социальная революция смело борются против германского империализма.

В заключение статьи нам хотелось бы сказать несколько слов о Л. Декаве, чье имя нам так часто приходилось упоминать. Люсьен Декав (1861—1949) родился в Париже, в семье ремесленника, связанного с искусством (отец его был иллюстратором книг). Очень молодым он начинает писать. После военной службы (тогда она длилась 4 года) он возвращается, удрученный и возмущенный грубыми правами низшего офицерства. Его сборник рассказов «Нищета сабли» и особенно «Унтер-офицеры» (1889) вызывает клеветническую кампанию в консервативной прессе и процесс в суде присяжных по жалобе военного министра г-на Фрейсине⁸⁴. Но возмущение выдающихся французских литераторов заставляет оправдать Декава. Декав рассказывает о перипетиях всего этого

⁸⁰ Bernard Y. Vieillesse d'écrivain.— L'Eclair, 1921, 26 sept.

⁸¹ См.: L'Eclair, 1921, 13, 15, 27, 30 sept.; А. Зеваэс: «Это сам Жорес осуждает Марти». — L'Eclair, 1921, 2 oct.

⁸² См. предисловие, исправленное и дополненное, к выпуску «Красных тетрадей» — «Une Journée à la Cour Martiale du Luxembourg» в частичном переиздании «Красных тетрадей» — «La Semaine Sanglante». Предисловие было отредактировано Л. Декавом после смерти Вильома.

⁸³ См.: Советская Сибирь, 1942, 1 янв., № 1, с. 4; 1968, 17 марта, № 64, с. 4.

⁸⁴ См.: Archives Nationales, dossier BB 18 1810, содержащее письма генерального прокурора и министра юстиции.

дела в новом издании своих сборников — «Унтер-офицеры», «Ницета сабли» и «Процесс унтер-офицеров» (1890).

Находясь под влиянием своих новых друзей, анархистов Жана Грива, Кропоткина, Бернара Лазара, разочарованный «новым правящим феодализмом, подкрепленным финансами и рекомендациями», он решает с 1892 г. «гораздо больше интересоваться социальным движением, чем разочаровывающей политикой».

Решающий поворот в его эволюции происходит в 1896 г., когда он знакомится с Лефрансэ, Авриалем, Лонге и Жакларом, о которых он скажет на склоне своих дней: «Они сразу расширили мой горизонт, появившись из тьмы, как луч света». И, в частности, о Лефрансэ: «Этот старый революционер... которого я всегда считал своим отцом... внушил мне свой революционный идеал».

В сущности Люсьен Декав вместе с Шарлем Пеги в числе немногих известных французских писателей сохранили до самой смерти свое восхищение коммунарами. Но в отличие от Пеги, который рассматривал их как солдат II года и как революционеров июня 1848 г., Декав оценивает героев 1871 г. главным образом по их высоким моральным качествам. «Моя постоянная привязанность, — писал он, — объясняется... тем, что это были честные люди, искренние, бескорыстные и безупречные». Этим объясняется следующее противоречие: с одной стороны, Декав писал предисловия к работам коммунаров, публиковавшимся начиная с 1900 по 1946 г. С другой — у него не было интереса к современной борьбе, которую вел французский народ под руководством коммунистической партии.

Тема Коммуны проявляется в таких романах Декава, как «Колонна», «Филемон» (1913), в его мемуарах изгнанника 70-х годов, где среди других упоминается Вильом, в рассказе «Фленго» (1907) и в пьесе «Кровопротитие», написанной в соавторстве с Фердинандом Нозьером (1913), о которой Луначарский писал: «Более интересна историческая мелодрама Декава и Нозьера «Кровопротитие», успех пьесы в разгаре»⁸⁵. Все его творчество отмечено трогательным вниманием к социальным и психологическим бедствиям своего времени.

Секретарь Гонкуровской академии со дня ее основания в 1900 г., затем ее президент с 1945 г. до своей смерти, он всегда покровительствовал прогрессивным авторам. В 1916 г. он голосует за «Огонь» Барбюса, хотя сожалеет, что это лишает премии Мориса Женевуа и Гийома Аполлинера. В связи с этим он предлагает позже разделить премию с тем, чтобы помочь пяти молодым авторам. Ему это не удается. Так же, как и в 1918 г., когда он добивался, чтобы Ромен Роллан был допущен в академию Гонкуров.

В сущности ему всегда противодействовали правые академики, находившиеся под влиянием Леона Доде. Однако этот последний не смог помешать в 1923 г. присуждению премии в первый раз франкоязычному писателю — негру Ренэ Маррану (за произведение «Батуала»).

Презрение французской литературной критики к Декаву нельзя объяснить его несколько устаревшей тематикой, не всегда свежими образами и недостатком изобретательности в сценическом построении его драм. Остается констатировать, что, за исключением Эмиля Мозелли, сотрудника «Cahiers de la Quinzaine», и его сына — писателя Пьера Декава, во Франции никто из критиков не посвятил ему какого-либо серьезного исследования⁸⁶.

Консервативная французская критика сохраняет враждебную позицию по отношению к Коммуне, и это сказывается на ее отношении к литературному наследию Максима Вильома, Шарля Пеги и Люсьена Декава.

⁸⁵ См.: Луначарский А. В. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 6. М., 1965, с. 437, 589.

⁸⁶ Moselly E. Lucien Descaves. Biographie critique et bibliographie. Paris, [1910]; Descaves P. Mes Conscours. Paris, 1949 (новое издание, дополненное и исправленное с предисловием: «Люсьен Декав, каким он был», р. I—XXXVII).

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна документы, исследования, публицистика:

- Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Народная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Э. Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
СН.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
Бессмертная Коммуна. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны (М., 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М., 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны (Л., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М., 1961). Тт.1,2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
М.Шури. Париж был предан: истоки парижской коммуны (М., 1961)
М.Шури. Коммуна в сердце Парижа (М., 1970)
С.Б.Кан. Правительство Тьера и подготовка революции 18 марта 1871 года
Н.Сидорова. Политические клубы Парижа накануне Коммуны 1871 года
П.Антокольский. Коммуна 1871 года (поэма)
О. Вилье де Лиль-Адан. Произведения времен Парижской Коммуны
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).
Радиопередачи к 140-летию Парижской коммуны

Эти материалы можно скачать здесь:

- http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>
http://cornmunity.livejournal.com/znanie_vlast/
<http://politazbuka.ru/>